

М. Н. ГАВРИЛОВ

ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

И

РУСЬ

RUSSIAN CENTER
FORDHAM UNIVERSITY
NEW YORK, 58

1955

Эта брошюра, подготовленная к печати издательством «ЖИЗНЬ С БОГОМ» (32, Avenue de Gaulle, Bruxelles), рассылается читателям журнала «Россия и Вселенская Церковь» вместо номера 5-го этого журнала. (Сентябрь-Октябрь 1955).

Imprimatur N. 105/55 Treveris, die 20 m. Julii 1955

Dr. Weins, Vicarius Generalis

Типография «ВАРЯГ», Christkönigshaus, Leutesdorf am Rhein

ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР и РУСЬ

Прямые и непосредственные источники о том, какая именно участь постигла Исидора и дело унии в Московской Руси, до нас не дошли, а потому, **что именно случилось с Исидором в Москве, мы в точности не знаем.***

Тем не менее мы отнюдь не лишены возможности разобрать те источники, которые имеются в нашем распоряжении и из которых мы можем сделать подлежащие выводы, вовсе несогласные с ходячими, нередко слишком поспешными и совсем непроверенными утверждениями и заверениями.

Одним из древнейших из дошедших до нас документов является т.н. «Исхождение Авраамия Суздальского на восьмой собор с митрополитом Исидором в лето 6945» (т.е. в 1437 г. от Р.Х.).** Это «Исхождение» дошло до нас лишь в отрывках, содержащих в себе лишь немного из всего того, что автор видел во Флоренции, т.е. описание немногих мистерий. В наиболее подробном из этих отрывков содержится очень интересное описание мистерии Благовещения. Характерным для этого, одного из самых ранних произведений, относящихся к затронутому вопросу, является, прежде всего, полное отсутствие враждебности не только к идее католичества, то есть единой Вселенской Церкви, но и к латинскому миру. Автор вполне сочувственно смот-

---

* Е. Голубинский, История Русской Церкви, Период 2-ой Московский, Том II, первая половина тома, Москва, 1900. Ст. 454.

** Описание мистерии Благовещения см. у А. Попова «Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян» (XI-XV в.), Москва, 1875, Ст. 400-406. Другие отрывки см. в *Nouveau Fragment de l'itinéraire d'Abraham, évêque de Souzdal, Moscou*, 1876. См. также А. Д. Щербина «Литературная история русских сказаний о Флорентийской Унии», Одесса, 1902. Ст. 46.

рит на мистерии, в общем, совершенно чуждые Руси, на латинские обряды.*

Авторство самого епископа Суздальского Авраамия весьма серьезными учеными представляется совершенно несомненным.**

Невозможно, однако, представить себе, чтобы «Исхождение» состояло бы из двух-трех написанных в сочувственном католичеству тоне описаний мистерий, вроде мистерии Благовещения. Где же все остальное и почему оно пропало? А Авраамий подписал ведь постановление о соединении, выработанное Флорентийским Собором!

Смирный Еп-кп, Авраміо Суздальский, подписую...

Получается, стало быть, что утрачен труд о путешествии на Флорентийский Собор самого главного свидетеля, именно того, который подписал постановление о соединении с братским чувством расположения и любви к западным христианам и с искренним желанием этого соединения. Эти последние соображения становятся тем более правдоподобными, как по данным пока найденных отрывков, так и вследствие пропажи всей остальной части рукописи, пропавшей, как надо полагать, не случайно.

Подпись русского епископа под постановлением Флорентийского Собора об Унии была, конечно, крайне нежелательна противникам соединения. И вот начинаются всякие попытки обессилить значение этой подписи. Первая попытка была произведена сопровождавшим митроп. Исидора вместе с епископом Авраамием Суздальским иеромонахом суздальским Симеоном написавшим, правда, повидимому, уже около 1458 г. будто Авраамий был посажен Исидором на целую неделю в темницу и таким образом тем же Исидором был принужден к подписанию акта Унии.

Другая попытка обессилить значение подписи Авраамия под актом Собора принадлежит С. Шевыреву, который, в своей статье «Новые известия о Флор. Соборе, извлеченные из Ватиканской рукописи», пишет, в примечании, что

* См. А. Д. Щербина, Ук. место.

** См. Делекторский, Критико-библиографический обзор русских сказаний о Флорентийской Унии. ЖУР. МИН НАР. ПРОС., 1895 г., июль, ст. 132.

подпись «Смеренный Авраамио Еп-кп Суздальский», которую он сам видел под подлинным актом Собора, весьма подозрительна и кажется ему подложной.*

Примечание С. Шевырева интересно для нас прежде всего и главным образом потому, что дает лишнее подтверждение оценки правдивости всего того, что писал иеромонах Симеон Суздальский, ибо он-то ведь и писал в 1458 г., будто Исидор продержал целую неделю в темнице Авраамия, чтобы путем такого принуждения добиться от него подписи, чего и достиг.** В одном из списков содержится сообщение того же Симеона, будто он: «идох ко св. Марку, митрополиту Ефесскому (ему тогда за страх сидящу) и поклонихся» и т. д. (следует рассказ о том, что случилось с Авраамием). В этом виде слова Симеона Суздальского содержатся также и в Синодальной Рукописи, 1473-1476.***

Известно, однако, что ни во время Флорентийского Собора, ни после него митрополит Марк Ефесский никем ни в какую темницу «за страх» или по иным мотивам сажать не был.**** Что же касается предположения о подделке подписей на актах Собора, то такое предположение противоречит данным, находимым нами в других источниках, а также и тому факту, что некоторые русские источники, из понятных соображений, просто умалчивают об этих подписях, не говоря при этом ни слова о чинившихся будто бы насилиях для получения нужных подписей.

Так, текст постановления Флорентийского Собора напе-

---

* См. ук. статью в Ж. М. Н. Пр. СПб., 1841 г. Январь, Ст. 60-78. Ук. нами прим. находится на ст. 75, прим. 1.

** Известие о насилиях Исидора над Авраамием с целью путем тюремного заключения заставить последнего, хотя бы подчинясь насилию, подписать Соборное определение, принадлежит Симеону, свидетельство которого, как известно, не может считаться ни надежным, ни, тем более, непререкаемым, как это и дает понять Е. Голубинский. (См. *op. cit.*, ст. 443, прим. 2). Приходится сожалеть, что иногда и некоторые католические писатели принимают рассказ о пленении Авраамия за исторический факт (См. напр. Ziegler, *Op. cit.*, ст. 171 и 150).

*** См. Н. М. Карамзин, *Ист. госуд. российского* Т. V. Изд. 2-ое СПб., 1819, Гл. 3, прим. 302, ст. 194.

**** См. напр., А. В. Горского, *История Флор. Собора*, Москва, 1847. Ст. 172-173.

чатаи, и довольно точно, в Софийской II-ой Летописи, под 6954 г. «от основания мира» (т.е. под 1446 от Р.Х., или, через 7 лет после событий). Но под приведенными постановлениями **никаких подписей нет вовсе**. Лишь ниже есть общее указание, что это постановление подписано, между прочим, папой, патриархом и Исидором.*

То же и в последующих изданиях, вплоть до XVII века включительно: подписи старательно замалчиваются.

Совершенно необъяснимо также, при таких предположениях, поведение и самого Авраамия: ведь если действительно его **принудили** поставить свою подпись вопреки его воле, или если только **хотели** его к этому принудить, или если он, несмотря ни на что, подписи своей все же не дал, то отчего же **сам он** ничего об этом не говорит? Как случилось, что именно **это** его заявление до нас не дошло?

Ведь о принудительной подписи под актами Вселенского Собора не молчат, а о принуждении к такой подписи и тем более не молчат. А вот Авраамий молчит. Молчит за-границей, это понятно. Молчит и на родине — и в родном Суздале и в Москве. Ни слова не сказано об этом ни в т.н. «Путевых Записках» неизвестного суздальца (о них — ниже), написанных довольно рано, не позже 1441-1442 г.г. Первое упоминание о насилиях, творившихся в Италии над еп. Авраамием, появляется в «Повести» Симеона и относится уже приблизительно к 1458 г. Замечательно при этом, что Симеон даже и не сообщает, где, когда и кому сам еп. Авраамий свидетельствовал о творившихся над ним насилиях. Любопытно и то, что все эти три лица — Исидор, недавно с возмутительными целями им плененный Авраамий Суздальский и иеромонах Симеон едут, из Италии на Русь, как пишет Симеон, вместе, в согласной компании, никому и в голову не приходит сейчас же, по свежим следам, заявить, кому следует, о творившихся будто бы на Соборе бесчинствах, тем более, что главный-то из виновников, ведь, тут же налицо, — напр., в Польше, где и духовенство и власти были отнюдь не на стороне папы Евгения IV, а

---

* См. П.С.Р.Л., Т. 6, ст. 156-159. То же в Сборнике Синод. Б-ки, 17 в., № 177.

скорее уж на стороне антипапы Феликса V, поддерживаемого Базельским Собором. Все это как-то забывается, и Симеон записывает, примерно, лет через семнадцать после всего этого, около 1458г., когда и самого Авраамия, наверно, уже и на свете не было, что подпись Авраамия была вынуждена заключением в тюрьме.

Итак, указанное нами выше недоумение усложняется до крайней степени: до нас не только не дошли какие бы то ни было личные заявления самого Авраамия, но нет и ни одного заявления какого-нибудь свидетеля о таковых со стороны Авраамия заявлениях и протестах, включая в их число и того единственного автора, который, семнадцать лет спустя после прискорбного события, решился о нем упомянуть.

Но зато, как мы уже говорили об этом выше, от самого Авраамия дошло до нас несколько отрывков о мистериях, отрывков, высказывающих сочувственный взгляд автора на мистерии и вовсе не выказывающему себя противником обрядов латинской Церкви, каким бы должен быть Авраамий, если бы он действительно был брошен в тюрьму за нежелание подчиниться Собору и подписать постановление об Унии.*

Следующим русским источником истории Флорентийского Собора является «Инок Симеона, иерея Суздальского, повесть, как римский папа Евгений составил осьмый собор со своими единомышленниками».** Мы уже кратко упоминали об этом Симеоне. Спутник и сотрудник митроп. Исидора и еп. Авраамия, иеромонах Симеон Суздальский, на обратном пути, оставил своих спутников в Венеции, а затем отправился прямо в Новгород, почему-то осторожно минуя Суздаль и Москву, что уже довольно подозрительно.*** Кажется бы, стражу православия и неколебимому борцу против папства, каким рисует себя Симеон, следовало бы пря-

---

* См. вышеуказанную книгу Щербины, ст. 46.

** См. у Попова в ук. соч., ст. 344-359 и у А. Павлова: Критические очерки на историю древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

*** См. об этом Е. Голубинский, ук. соч., ст. 451, прим. 1 и у Павлова, Крит. опыты, ст. 206.

мо отправляться в епархию своего епископа, а потом немедленно в Москву, чтобы как можно скорее разоблачить вероломного Исидора. Но вот, незадолго перед приездом в Москву, Исидор оказывается в Смоленске, откуда требует выдачи из Новгорода Симеона. Новгородские власти, повидимому, с полного одобрения архиеп. новгор. Ефимия, без всяких колебаний выдают Симеона смоленскому князю Юрию Семеновичу-Лугвеньевичу,* а этот последний — Исидору. Исидор сковывает Симеона и, в скованном виде, везет его с собою в Москву. Казалось бы, шаг со стороны отрекшегося от православия митрополита более, чем рискованный: ведь, как это будет писать впоследствии все тот же Симеон, весь гнев, испытанный им от Исидора, происходил именно от того, от чего он, Симеон, постоянно остерегал изменника-владыку, — от страшного греха — измены православию и обличал его в нем. И вот этот «изменник православию» не стесняется заковать в цепи своего злейшего обвинителя и отвезти его в таком виде в Москву.

Нам известно, что Исидор, прибыв в Москву, не встретил там ни сочувствия, ни одобрения. Летописные записи, составленные, правда, в эпоху, значительно более позднюю, рассказывают, будто Исидор прибыл в Москву в третье воскресенье Великого Поста, 19-го марта 1441 года. После литургии, во время которой он поминал Папу, он объявил о состоявшемся соединении; вел. князь, все епископы и бояре, съехавшиеся в Москву встречать митрополита, до такой степени растерялись, что совершенно отказывались подавать государю какие-либо советы относительно того, что делать. Великий князь, так сказать, оставленный всеми, стал думать сам с собой и, думав три дня, на третий день повелел взять Исидора под стражу. Весь этот рассказ, находимый нами в летописях, недостоверен. «Эта рисуемая летописная картина всеобщего крайнего смущения в Москве, произведенного прибытием Исидора, и вскоре последовавшего затем, благодаря твердости духа вел.

---

* Смоленское княжество было присоединено к Литве в 1395 г., в княжение литовского князя Витовта (1392-1430). На Руси княжил в это время Василий I (1389-1425).

кн., всеобщего решительного воспрянутия и пробуждения, есть не что иное как картинка, сочиненная в позднейшее время».*

Таким образом надлежит считать, что **никаких прямых сведений о ходе событий в Москве, ни подробностей о судьбе Исидора в России у нас нет.** Остается лишь область более или менее вероятных или невероятных догадок или предположений, и уже только поэтому часто встречающееся мнение, будто „уния” была сразу единодушно отвергнута всей Россией, никак не может претендовать ни на какую достоверность.

Чему можно верить из всего того, что рассказывается в летописях о пребывании Исидора в Московском государстве, сказать трудно. Достоверно известно только, что ему удалось бежать за границу, что помощь в побеге оказал ему вел. кн. тверской Борис Александрович и будто бы, и сам вел. кн. не велел мешать этому бегству. Такое странное отношение к «отступнику от православия» со стороны Василия II объясняют то глубокополитическими соображениями, то мотивами проникновенного великодушия. Что касается глубины политических соображений, на которых настаивает Е. Голубинский, то они сводятся, просто, к тому, чтобы Исидор как можно скорее мог уехать из Московского государства.** Некоторые ищут причины в том, что Василий II, в отличие от обычных московских порядков, всегда стремился применять присущее ему великокняжеское великодушие. Как бы то не было, но Исидор бежал из России за-границу Великим Постом 1443 года.

А привезенный Исидором в оковах «защитник православия» и суздальский иеромонах Симеон, несмотря на осуждение и бегство Исидора, от уз освобожден все-таки не был. Он просидел еще долгое время в Чудовом Монастыре, а потом в Троице-Сергиевой Лавре и, повидимому, уже только к 1458 г. т.е. более, чем через шестнадцать лет после возвращения, написал упомянутое уже выше произве-

---

* См. Е. Голубинский. История Русской Церкви. Период второй Московский. Том 2-ой, первая половина тома, Москва, 1900, Ст. 453.

** Ук. Соч. Ст. 457. Прим. 5.

дение, под заглавием «Инок Симеона, иерея суздальского повесть, како римский папа Евгений составил осьмый собор со своими единомышленниками». Все это произведение изображает Исидора врагом и изменником православию, а его, Симеона, замечательным и ревностным защитником того же православия, за что он и был постоянно под ударами гонений и преследований Исидора.

«Несколько темна и загадочна», пишет уже упоминавшийся нами проф. Е. Голубинский: «судьба иеромонаха Симеона. Он терпел гонения от митрополита Исидора, несколько раз был сажаем, по его приказанию, в тюрьму; на обратном пути, бежав от него из Венеции, снова был захвачен им в Смоленске и привезен был в Москву в железзах. Следовало бы ожидать, что человек, столько пострадавший от митрополита, предателя православия, будет встречен в Москве, как мученик; и однако этого вовсе не случилось, а случилось как раз то, что освобожденный в Москве из желез, он тотчас же послан был в заключение в Троице-Сергиев монастырь».*

«Не без основания полагают поэтому, что «Повесть» свою он написал, водимый личным побуждением оправдать себя и доказать, что единственной причиной учинения гонения на него со стороны митрополита была сейчас указанная».

Видимая цель всего этого Симеоновского произведения ясна - «достигнуть того, чтобы на него не падало даже и малейшей тени сочувствия к унии, как бывшего спутника митрополита Исидора, изменившего православию и перешедшего на сторону папы».**

Как можно относиться к Симеоновой «повести», как к историческому источнику, ясно уже из того, какую нам представляется личность автора. Ясно ведь, что все, что он «перетерпел» в России уже **после** изгнания Исидора,

---

* Подозрительно, как мы уже говорили выше, также и то, что Симеон Суздальский, бежав от Исидора из Венеции, пришел в Новгород, а не в свой родной Суздаль или в Москву.

** См. Е. Голубинский. История Русской Церкви. Период второй, московский, Т. 2. Вторая половина тома. Напечатана в Чтениях Ист. и Древ. Росс. при Моск. У-те 1916. Книга Четв. XXXII, Ст. 203-204.

произошло не от «ревности к православию», а потому все, что он рассказывает об этой своей «верности» и о чужой «неверности» вряд ли может заслуживать доверия. Не лучше обстоит дело и с теми сведениями, которые относятся к прошлому, собственно, эпохе унии.*

«Сказание Симеона не содержит в себе», пишет проф. Е. Голубинский: «сколько-нибудь обстоятельной истории собора, на что у Симеона вовсе не хватило бы сведений и, по всей вероятности, вовсе не хватило бы авторских средств, но дает характер общей относительной достоверности, не совсем свободной от легендарности».** Не надо забывать, что Симеон не знал при том ни греческого, ни латинского, ни даже литовского языков, не был и не мог быть и членом Собора, а потому в заседаниях не участвовал. Судил обо всем лишь по слухам в своем окружении, да и слухов этих, понятно, далеко не всегда понимал.

В его «повести» найдено не мало сведений явно вздорного характера: так, например, он свидетельствует, будто император греческий Иоанн скончался при возвращении домой, не доехав до дому, и что, при этом земля сама три раза выбрасывала его вон. В действительности, автор «повести» ничего не мог сообщить о кончине императора Иоанна Палеолога, который скончался через много лет по возвращении на родину, а именно 31-ого октября 1448г. Можно ясно представить себе, таким образом, чего может стоить такой «исторический источник», составленный, к тому же, повидимому, более чем через 16 лет после возвращения автора на родину и при, очевидно, совершенно изменившейся политической обстановке.

Из других «исторических источников», появившихся года 3-4 после «Повести», является, во-первых «Слово избранно от святых писаний, еже на латыню и сказание о

---

* См. Е. Голубинский, История Русской Церкви, Период второй, московский, Вторая половина тома, Москва, 1900.

Там, между прочим, читаем: «Симеон суздальский, бежавший от Исидора из Венеции вследствие ссоры своей с ним, в которой, как есть все основания подозревать, и сам был далеко не прав.» (См. ст. 443, прим. 1).

См. ук. статью Делекторского в Ж.М.Н.П. за 1895г., июль, стр. 143.

** Ук. соч., Т. II, 1; ст. 201.

составлении осмаго собора латыньского и о извержении Сидора Прелестного и о постановлении в русской земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси».

Есть серьезные основания считать, что автором и этого сочинения был все тот же суздальский иеромонах Симеон.*

Как и в прошлом сочинении, расточаются пышные похвалы «боговенчанному царю, великому князю Василию Васильевичу». В сочинении много добавлено по сравнению с тем, что было рассказано в «Повести» Симеона. Весьма подробно рассказывается об изгнании Исидора из Москвы, тогда как в первой повести Симеона (ок. 1458 г.) на судьбу Исидора едва лишь намекается. Видно, что еще около 1458 г. (приблизительное время написания «Повести» Симеона) положение Исидора и его дела вовсе еще не казалось совершенно безнадежным, чем и объясняется повидимому, непонятная небрежность вел. кн. Василия, так и не решившегося в самом начале сразу и решительно принять крутые меры, а, повидимому, способствовавшего побегу Исидора.

Цель «Слова избранна» совершенно ясна: эта цель, прежде всего, — оправдать автокефальность, независимость Русской Церкви от Греческой. «Флорентийская Уния», очевидно, далеко не с первой минуты, а спустя, приблизительно, несколько первых десятков лет после ее свершения, предстала пред политическим взором вел. кн. Василия Васильевича II именно с этой стороны. Появилось два новых, выгодных для свободы действий московского самодержавия факта. Первый — это заключение во Флоренции греками греховной унии с латинянами; второй — это клонящийся к гибели упадок Царяграда. Когда этот упадок стал окончательно ясным и совершенно определившимся (Падение Константинополя в 1453), то ясно стало и то, что

---

* Делекторский, Ук. соч., ст. 146.

Правда, цитированный уже нами выше Ziegler, на 28 стр. своего труда, сомневается в этом, так как находимые им в „Слове“ сербские обороты говорят, он считает, в значительной мере, против авторства Симеона. (Ук. соч., ст. 28).

именно нужно и полезно для Московского Царства. Нужно стать на место Византии, а для этого надо создать независимую от Константинопольского Патриарха Русскую Церковь, руководить которой будет сам государь: московская лесть всеми силами спешила, как можно раньше, назвать его «богочестивым царем» — иногда еще до Иоанна Третьего. «Флорентийская Уния» тут во всех отношениях в высшей степени шла к делу. Во-первых не было ничего легче, как убедить малосведущего (и доверчивого собеседника, что на Флорентийском Соборе греки оказались «предателями православия»; с другой стороны, становилось все легче убеждать московских людей в том, что «на Москве утвердилась православием Русская Земля христоролюбивым Великим Князем Василеим Василовичем».

Наконец, к этой же серии «источников» относится и «Путешествие Симеона Суздальского в Италию», написанное очень поздно, во всяком случае, уже после кончины Василия, то есть после 1462 г.

Все это произведение наполнено заведомо лживыми сообщениями, в которых автор противоречит сам себе, и искажениями ряда общеизвестных фактов.

Дело в том, **что самым древним и не вызывающим никаких сомнений в точности и в достоверности** памятником об отношении русских к Флорентийскому Собору во время и непосредственно после его совершения являются интереснейшие в русской литературе «Путевые Записки неизвестного суздальца», очевидно кого-то из свиты еп. Авраамия. Кто этот «неизвестный суздалец»? Духовное лицо? Светский человек? Мы этого не знаем. Ясно только, что он земляк еп. Авраамия. Ясно также, что он вернулся в родной город вместе с еп. Авраамием 29-го сентября 1440 года. Ясно, наконец, и то, что «Записки» были окончены в 1440-1441 г.г. и остались в необработанном виде.

И вот в этом «Дневнике Неизвестного Суздальца» **нет и следа какого-нибудь полемического задора, чувства вражды к латинству и сторонникам „унии“**. Исидора автор «Записок» называет официальным титулом «Гос-

подин»... Заключение „унии“ не вызывает в авторе разочарования или обиды. Он говорит об этом совершенно спокойно, как о событии нормальном. «Месяца июля в 5 день, збору бывшу великому (т.е. когда произошел великий собор) и тогда написаша грамоты збора (т.е. собора), как веровати во Св. Троицу (так выражает автор споры о filioque, бывшие, как известно, главным предметом пререканий), и подписа папа Евгений, и царь греческий Иван и вси кардиналове и митрополиты на грамотех каждо своею рукою».*

Интересна также характеристика нашего памятника, даваемая другим русским ученым: «К латинянам автор относится без ненависти; богослужебные обряды, хотя, очевидно, и поражают его своими особенностями, не вызывают, однако, с его стороны никакого порицания».**

Такое отношение к „унии“, такая форма отношения к главному моменту Собора доказывает ясно и бесспорно, по крайней мере, то, что, судя по древнейшим русским документам, отрицательное отношение к Флорентийскому Собору и к «Флорентийской Унии» никоим образом не было всеобщим.

И вот «Путешествие Симеона Суздальского в Италию», о котором мы только что говорили, написанное уже после 1462г., стало быть, через 21 год минимум после написания «Путевых записок неизвестного суздальца», представляет собою все те же «Путевые Записки», но с присоединением полемического элемента против латинян, чего совсем не было в «Путевых Записках». В этом все. Мы видим, как вырос этот элемент за 20 лет. Флорентийский Собор стал ненавистен. Почему? Мы уже ответили на этот вопрос: по причинам политического роста и новых политических видов Москвы. Еще доказательств? Они есть.

В 1908г., в томе 168 «Памятников древней письменности и искусства», Н. П. Лихачовым было опубликовано «Инока Фомы Слово Похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Это—тот самый тверской князь Бо-

* Ук. соч. Делекторского, стр. 137-138.

** См. А. Павлов, Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 96.

рис Александрович, у которого, по данным летописей, бежавший из Москвы митрополит Исидор нашел приют, и который, по словам той летописи посадил его, правда, под домашний арест (очевидно, из предосторожности), а потом выпустил, будто бы, как говорит все та же летопись, по милости великого князя Василия Васильевича.

Относящееся к 1453г. «Слово похвальное инока Фомы» является, понятно, выражением политических вкусов не Москвы, а Твери. Вследствие этого и событие 1453г. (падение Константинополя) не успело еще произвести того сдвига в политических настроениях, которое оно уже заметно стало производить в настроениях Москвы. Впрочем, как мы это уже видели, «Повесть» Симеона Суздальского появилась, как надо думать, лишь около 1458г. Для нас интересно во всем этом то, что в панегирике, написанном иноком Фомой в честь своего князя Бориса Александровича, особенно восхваляется участие Бориса Александровича в Соборе через своего боярина Фому. Самый же Собор называется Святым Вселенским Собором, и нигде ни слова нет о том, что это Собор «богоотметный», «неправославный», «отвергнутый».*

Интересно еще и следующее добавление, высказанное князем тверским, как бы наставление своему посланному боярину, отправлявшемуся на Собор: «повеле ему, Фоме,** прилежно смотрети и аще ли что от 7-го Собора примут (т.е. убавят, отнимут) или приложат, того и слышать

---

* См. изданную Н. П. Лихачовым работу, Ст. I-XIV. Цитируемый уже нами выше Ziegler, считая, что Тверской Князь Борис Александрович всецело поддерживал Вел. Кн. Василия II, полагает, что взятие под стражу Исидора Тверским вел. князем было актом прямой враждебности с его стороны и исполнением воли вел. кн. Московского. Это основывается на незнакомстве с «Похвальным Словом инока Фомы» и на том, что папа Евгений IV ходатайствовал перед Казимиром Литовским об освобождении Исидора (Ук. соч. ст. 98). Последнее указание не может иметь никакого значения, так как из него никаким образом не видно, что Тверской вел. кн. держал Исидора под влиянием каких-либо враждебных к нему намерений.

** Очевидно, что автор «Слова похвального», инок Фома, и представлявший вел. князя на Соборе, тверской боярин Фома — разные лица. Такое наше предположение подтверждается, во-первых, прямыми указаниями текстов, и, во-вторых, тем, что боярин Фома, если бы он стал потом иноком, должен был бы переменить имя.

не хотим и по первому правил святых правил и по чину седми собор».*

Таким образом, русские люди, бывшие современниками Флорентийскому Собору считали, что на Соборе не должно быть произведено никаких изменений в исповедании веры, что исповедание первых семи Вселенских Соборов должно остаться неприкосновенным, что от этого исповедания ничто не должно быть убавлено и ничто не должно быть к нему прибавлено. Еще более важно то, что это представление русских людей вполне совпадало и с представлениями самих участников Собора. Участники и деятели Флорентийского Собора учили тому же: они постоянно настаивали на том, что на Флорентийском Соборе была провозглашена все та же единая православная вера, та же вера 7 первых Вселенских Соборов, а не какая-нибудь иная, им противная, еретическая.**

Киевский князь Александр Владимирович обратился (ок. 1441-1451 г.в.) к константинопольскому патриарху Григорию Мамме, горячему поборнику «Унии», понятно, бывшему в официальном церковном общении со Св. Престолом, с вопросом о том, в чем именно состоит соглашение Восточной Церкви с Римом. В полученном от патриарха ответе стояло: «Како писано, верую во единого Бога у них, и исповедали и нам, еже есть истолковали; и не приложили есмь ни уложили всяких дел священных, яже от святых отец, в преданных и явленных писанием— о всех, которых мы проклинаем, и они проклинаят, а которых мы держим, и они держат: и пытали есмы и обыскали добре и совокупихомся с ними и утвердихомся одиначеством и миром Святей Церкви, и поминается у нас папино имя на святей службе, а они поминают нас, якоже изначала и из обычая церквей Божиих неподвижно»...***

Благожелательный тон инокa Фомы к Флорентийскому Собору и к «Флорентийской Унии» настолько очевиден и для

* См. в ук. изд. Н. П. Лихачова, ст. XIV.

** Так думал сам Исидор.

*** См. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI-XV в.в.) Андрея Попова. Москва, 1875, ст. 333.

многих из нас поразителен, что некоторые из современных исследователей не могут удержаться от выражения своего крайнего неудовольствия, если не сказать — негодования. В 1917 г. вышла в Твери составленная тов. предс. Тверской Ученой Архивной Комиссии и Хранителем местного Музея В. Колосовым книга, под заглавием «Прошлое и настоящее города Твери».

Восхваления инока Фомы по адресу тверского князя г. Колосов приписывает лести и пишит: «Фома часто восхваляет Бориса Александровича за такие действия, которые безусловно не заслуживают никакой похвалы. Так, он много посвящает описанию участия тверского князя через своего представителя Фому в переговорах о „Флорентийской Унии“. Так как князь Тверской был единственным из велико-русских князей, приславшим своего представителя на Собор, то его, понятно, восхваляли отцы Собора. Все эти льстивые речи Фома приказал тщательно записать в Твери; придворные круги услаждались этими, ничего не стоящими похвалами, тогда как единственно правильный путь в отношении «Флорентийской Унии» был избран Московским князем Василием Темным... Так пишет В. Колосов.* Вопрос о правильности избранного Василием II пути представляется более чем спорным, и вообще, из рассматриваемого памятника, отнюдь непохвальным, а вот что с несомненностью ясно из этого памятника, так это то, что: во-первых, далеко не все на Руси противились Флорентийской Унии; и, во-вторых, многие весьма ценили участие в этой унии, и настолько, что находили в этом участии основание для лести, чтобы понравиться тем или иным великорусским князьям.

Мы видим теперь, что из всех рассмотренных нами русских источников два наиболее древние и наиболее достоверные, а именно «Путевые заметки неизвестного суздальца» и «Слово Похвальное» игумена Фомы тверского, не дают нам **ни одного** свидетельства о том, будто в русском

---

* См. «Прошлое и настоящее Твери». Составил тов. председателя, Тверской Ученой Архивной Комиссии, Хранитель Музея В. Колосов. Тверь. Губернская типография, 1917, Ст. 34.

народе господствовала всеобщая ненависть и всеобщее осуждение латинян и Флорентийского Собора. Источники говорят нам прямо противоположное.

По возвращении с Собора Митрополит Исидор приехал, как мы уже упоминали, в Литовскую Русь, где в особенности сблизился с Киевскими князьями. Принявший его Киевский князь Александр (Олелько) Владимирович, внук Ольгерда, был родоначальником князей Слуцких. Кн. Александр был воспитан в православной вере и женат на Анастасии, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича I (сына Дмитрия Донского). У кн. Александра Владимировича было два сына — Симеон и Михаил и дочь Феодора.

Приехав из Италии в Литву, Исидор не поспешил в Москву, а на весьма долгое время, почти на целый год,* остался в Литве. И вот русские и литовские князья и, в особенности, Александр Владимирович Киевский приняли Исидора, как своего законного митрополита. «Не подлежит сомнению», пишет известный русский православный ученый, «что Флорентийская Уния долго держалась в Литовской Руси в продолжение XV века. Она заведомо существовала при митрополите Григории, ученике Исидора, рукоположенном через него Григорием Маммою в Риме, при преемнике его Мисаиле и при других».**

«В Киеве Исидор с почетом и радушием был принят Киевским князем Александром Владимировичем. Всего в Польше и в Литве он прожил почти год.

В южнорусской православной Руси никто открыто не восставал против Унии»***

Что касается «открытого» восстания против «Унии», то оно совершенно исключалось, вследствие тех политиче-

---

* На одиннадцать месяцев.

** «Историко-лит. обзор греко-русских полемич. сочинений против латинян (XI-XV в.в.)». Андрея Попова. Москва, 1875 г. Ст. 336.

*** Делекторский, «Флорент. Уния по древне-русским сказаниям, и вопрос о соединении Церквей в древней Руси». В журнале «Странник» за 1893 г. Октябрь. Ст. 254.

ских обстоятельств Литвы и Южной Руси, вследствие которых в этих областях „уния” была совершенно предоставлена только самой себе. Во-первых, польские и литовские католические государи подчинялись в это время не законному папе Евгению IV, а поддерживаемому Базельским Собором антипапе Феликсу V. Поэтому „уния”, утвержденная Евгением IV, не имела для них значения. Во-вторых, различные политические причины мешали в это время польскому королю Владиславу III заниматься внутренними делами, в том числе и церковными. Поэтому дело* «Унии» в Польше и, в частности, в Литовской Руси, было предоставлено самому себе, и говорить о восстании не приходится: никто против «Унии» не восставал, никто и не протестовал. Если бы Уния действительно вызывала протест, то она **тотчас** же была бы отвергнута, и скрыто и открыто.

Если же не говорить о русских источниках, относящихся к Московской Руси, из которых, как мы видели, самые ранние и единственно подлинно достоверные ни в чем не выражают осуждения или опровержения Флорентийского Собора, а обратиться к прямым достоверным фактам, то и тут мы не найдем ничего в защиту положения, будто **вся** Россия сразу и единодушно отвергла «Унию», по образу некоего «церковного народа». Начать с того, что митрополит Исидор, прежде чем ехать в Москву, выждал все-таки в Литовской Руси не больше не меньше, чем одиннадцать полных месяцев. Что же, за это время митрополит ничего не делал для того, чтобы осведомиться о том, что делается в Москве? Не смог узнать, что там, «все, как один человек», против «Унии»? И несмотря на это, очертя голову, решил все-таки ехать? А те, кто в Москве, ничего не узнали, что Исидор — „папист”, «сторонник обращения России в католичество»? Не узнали и не поняли, так что одному бедняге-князю пришлось думать целых три дня, и в результате таких прилежных размышлений, понять, нако-

---

* См. Е. Голубинский, История Русской Церкви, II-ой Т. I-ая пол. Москва, 1900, ст. 449-457.

нец, то, что только что узнал. Не было, значит, ни у Василия, ни у Исидора, никаких осведомителей, агентов? Думаем, что достаточно только поставить эти вопросы, чтобы ответить в том единственном смысле, который подсказывается самой их постановкой. Да, Исидор, живя в Литовской Руси, поддерживал связи с Москвой; он, конечно, постоянно получал сведения о том, что в ней происходило. Конечно, эти сведения были бесконечно далеки от того, что там будто все, как один человек, настроены против решений Флорентийского Собора. Если Исидор решился все-таки ехать в Москву, то это могло стать возможным только потому, что он надеялся на поддержку довольно значительной своей партии и именно из духовенства. Весьма вероятно, большая часть того духовенства, на которое мог рассчитывать Исидор, было довольно далеко от Москвы. Духовенство, сидевшее на Московской земле, разделялось, по видимому, на две группы. Все, конечно, знали о взглядах и желаниях Исидора. Но одни не разделяли стремлений московских государей к самодержавию с полновластием государей и над Церковью, а потому желали поражения этих царских стремлений и сочувствовали Исидору. Василий еще не называл себя официально царем, но как мы уже видели, открыто проповедывал свои царские устремления, как преемника византийских царей. Другие, наоборот, желали крепкой власти московских государей и всемерно содействовали победе всех их политических и политико-церковных стремлений. Исидор слишком понадеялся на победу своих сторонников и все-таки поехал. Он потерпел неудачу: духовенство уже не представляло реальной силы в сравнении с властью великого князя. Но видно, что и власть великого князя не чувствовала себя еще достаточно окрепшей, действуя осторожно, а порой нерешительно и выжидательно. Лично с Исидором обошлись легко, что видно не только из того, что ему дали возможность бежать, но и из того, что вел. кн. Василий II обратился с посланиями и к Константинопольскому патриарху (в 1441) (при чем патриарх был в унии с Римом) и к императору (в 1443г.). Это значит, что Московские власти — князь, не говоря уже о

духовенстве, — так и не решились на официальный акт разрыва связи с Римской Церковью, установленной на Флорентийском Соборе. «Как бы то не было, но московские русские не желали формальным образом разрывать церковного союза с Константинопольским патриархом-униатом»*.

От «Акта схизмы» в формальном смысле слова русские монархи, русское духовенство, даже и в связи с «Флорентийской унией», воздержались.**

Не получивши никакого официального разрешения из Константинополя, вел. кн. Василий II очень долго медлил, прежде чем объявить открыто и официально о своем разрыве с патриаршим Константинопольским Престолом, находившимся в унии с Римским Папой (на это московская власть так и не решилась) и поставить желанного митрополита (это был Иона рязанский) собственной властью, на том, между прочим, основании (кстати, совершенно ложном), будто греческие Патриарх и император торжественно обещали в свое время, что следующим после Исидора русским митрополитом непременно будет именно Иона. Справедливость требует отметить, что и к такому осторож-

---

* Е. Голубинский, Цериод 2 Московский, Т. II, Первая половина тома. Москва, 1900. Ст. 468.

Подробности об этих посланиях, в частности, о том, были ли они отправлены и доставлены по назначению, см. у Голубинского, ук. соч., ст. 477-478 и у Ziegler'a, ук. соч., ст. 102-108. Последний касается также и вопроса об их подлинности. Впрочем, независимо от того, были ли они доставлены, а также независимо и от их подлинности, следует признать что только что приведенное утверждение проф. Голубинского о том, что „русские не желали формальным образом разрывать церковного союза с Константинопольским патриархом униатом“ остается в силе.

** И после «Флорентийской Унии» сношения Пап с царским правительством хотя и не стали постоянными, но все же не прекратились. Так в 1604 году Царь Борис Годунов обратился с письмами к папе Клименту VIII и к императору Рудольфу II. В письме к Папе приложены некоторые из документов, в одном из этих документов (во втором) ясно подчеркивается царем Борисом признание им папского авторитета, как главы вселенской Церкви. См. статью Н. П. Лихачева: «К истории дипломатических сношений с Папским Престолом при царе Б. Годунове», в «Известиях Отделения Русского языка и Словесности И.А.Н. в Т. XI за 1906 год, в книге 1, на ст. 316-336. Переписка возникла по поводу того, чтобы Пала повлиял на Сигизмунда в вопросе о Лжедмитрии.

ному, хотя все же непослушливому, решению Москва пришла после 7-летнего ожидания.*

Столь заметная нерешительность, столь глубокие колебания, постоянно останавливавшие вел. кн. Василия II, являются вполне достаточным доказательством против того, будто весь русский народ—весь, как один человек, стал на защиту «православия», против зловредительной «унии». Не раз уже цитированный нами историк Церкви, проф. Е. Голубинский, желая объяснить, почему же это именно в 1448 вел. кн. Василий II решился наконец поставить на Руси митрополита собственно властью, не дожидаясь дольше разрешения Патриарха Константинопольского и Императора Византийского, пишет об этом так: «С весьма большою вероятностью следует полагать, что великий князь, после долгих колебаний, был, наконец, подвигнут к своей решимости явившеюся опасностью, что Исидор снова явится в России... Сохранилось до настоящего времени послание Константинопольского патриарха Григория к Киевскому князю Александру Владимировичу, которое известно давно, но которое в подлинном и полном виде на печатано только недавно».**

---

* См. Е. Голубинский, Ук. соч., Т. 2, Первая половина. Москва, 1900, ст. 478.

** См. Е. Голубинский, Ук. соч. ст. 479. Самое послание Патриарха Григория Маммы см. в «Историко-литературном обзоре греко-русских полемических сочинений против латинян (X-XV в.в.)» Андрея Попова. Москва, 1875 г., ст. 332-336.

Все эти свои объяснения проф. Е. Голубинский дополняет указанием на политическую обстановку, которая могла, в известной степени, повлиять на медлительность Василия II в разрешении церковных дел. В течение 20 лет (1430-1450) тянулось междоусобие—борьба Василия II с Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Во время этой борьбы Василий был ослеплен. В 1445 г. он попал в плен к татарам. «С... Василием Васильевичем повстречались несчастья, которые должны были замедлить его решение: в июле 1445 г. он захвачен был в плен татарами, у которых он пробыл около 3 месяцев; в феврале 1446 г. он был захвачен и лишен великого княжения своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой, у которого успел снова отнять великокняжеский престол.

Но и, возвратившись в Москву, он принял свое решение не вдруг: (он возвратился в Москву, взятую у Дмитрия его приверженцами, в Рождество 1446 г.) 17 февраля 1447 г., а решение поставить митрополита самим, без дозволения императора и патриарха, было приведено в исполнение только в декабре следующего 1448 г.» (См. ук. соч., ст. 479).

Мы уже упоминали об этом послании. Надлежит уточнить, что в послании Патриарха Григория Маммы не содержится ни одного слова о вооруженной борьбе для насильственного восстановления митрополита Исидора на московском митрополичьем престоле. Поэтому, с этой стороны, это послание никак не могло утратить вел. кн. Василия II. Утратить его могла лишь **моральная** сила послания, указывавшего на то, что Исидор — законно поставленный и вполне православный митрополит. Вот этого и, может быть, основательно, очень боялся вел. кн. Василий II и помешал, пользуясь своею силою, как светского государя, поставить нового митрополита иначе, как собственною властью.

Правда, цитируемый нами проф. Е. Голубинский поясняет, что, по его, как он считает, бесспорным предположением, Исидор желал и мог желать вернуться лишь в Литовскую Русь, а отнюдь не в Московскую. Но и одно прибытие его в Литовскую Русь было, думает Голубинский, столь опасно для вел. кн. Василия II, что он должен был спешить с предупреждением этой опасности. Чего он так боялся? Утверждения второй митрополии в Киеве? Но ведь это все равно должно было случиться и действительно случилось, и помешать этому было вне власти вел. князя. Боялся он Исидора не в Литовской Руси, а в Московской Руси, и доказательством тому было не только чрезвычайное, если не крайне боязливое обращение с Исидором, когда он был в Москве,* а также и наличие, повидимому, многих людей из духовенства, считавших Исидора единственно законным митрополитом и бывших противниками Ионы. Так, например, препод. Иосиф Волоколамский сообщает о своем учителе Пафнутии Боровском, который велел не звать Иону митрополитом. В «Чудесах св. Ионы» рассказывается, что некоторый боярин, именем «Василий, зовомый Кутуз, неверие имел к нему, митрополиту Ионе, и не приходил к

---

* В грамотах, отправленных Патриарху и императору о разрешении поставить на Москве своего, русского митрополита не только ни слова не говорится об „изменившем православию“ митрополите Исидоре, но говорится даже, что Исидор вообще и не уезжал, а продолжает сидеть в Москве. Голуб., Ук. соч., Т. II, Первая половина тома. Москва, 1900. Ст. 472.

нему — благословения принимать от него не требовал». Есть еще сказания в пользу Ионы, которые, повидимому, направлены против тех, которые никак не соглашались признавать его законным митрополитом.* Таких лиц было, повидимому, весьма не мало,** а потому нет ничего невероятного в том, что не все на Руси были рады поставлению митрополита великим князем с явным нарушением прав патриарха. А посему совсем непрочным казалось как духовным, так и светским людям той эпохи то дело, которое затеял и выполнил вел. кн. Василий II и которое закончилось знаменитой автокефалией в 1448 г. с митрополитом Ионой во главе всей русской иерархии.

Когда папа Калист III поставил в Литовскую Русь на место Исидора (последний отказался тогда по дряхлости: он скончался 27 апреля 1463 г.) нового митрополита, Григория, то в Москве сильно забеспокоились: и сам князь Василий и ставленник его, митрополит Иона. Стали изо всех сил стараться, чтобы Григорий не был допущен к управлению митрополиею. За помощью обратились, понятно, к польскому королю. Несмотря на все эти старания, Иона митрополитом на Литве в конце концов признан не был.*** Приходилось думать уже не о том, чтобы обезопасить себя от Григория на Литве, а о том, чтобы обезопасить себя от него и в самой Москве. Обезопасить, но как? И вот митрополит Иона, в конце 1459 г., созывает на поместный собор всех епископов Московского Великого Княжества и заставляет всех их дать «особое рукописательное или письменное обещание в том, что они останутся неизменно верными ему и его преемникам и что не будут» иметь никаких сношений и никаких сношений с митрополитом-униатом.****

---

* Голуб., Ук. соч., Ст. 490.

** См. ук. соч. Голуб. Ст. 490-491.

*** Иона был признан митрополитом на Литве 3-го января 1451 г. Документ, признающий Иону митрополитом, был подписан латинским Виленским епископом, Матфеем, как канцлером Великого Княжества Литовского. (См. Р. Ист. Библиограф. VI, 67; Ст. 563-566 и 569-572). Но с 1459 г. король признал законным митрополитом, вместо Ионы, Григория.

**** Голуб., ук. соч., 506.

Вот какая понадобилась подписка! И это при **единодушном-то**, как часто думают, и враждебном отношении к унии!

Но этого еще мало. Несмотря на такую великую ревность архипастырского горения, **не все епископы явились для подписания «православной» хартии.**

В 1456 г. вел. кн. Василий ходил войной на Новгород, одержал над ним блистательную победу и заключил с ним мир, в условиях которого содержались ясные и прямые шаги к окончательному покорению, закончившемуся потом завоеванием Иоанна III и разбойническим разгромом Иоанна Грозного. Со времени победы Василия II, новгородцы почувствовав непримиримую ненависть к Москве, принялись изо всех сил отстаивать себя от нее. Может быть, и в Москве предвидели уже то, что потом, на самом деле, случилось: а именно, что новгородцы отдадутся, в конце концов, под покровительство польского короля. А так как, вместе с тем, являлась и опасность, что «изменяя православию», они отпадут к Литве и в церковном отношении, то, заботясь об отвращении возможной в будущем опасности, митрополит и устроил этот собор.*

И вот, двое из епископов не явилось на Собор. Не приехал на Собор тверской епископ Моисей. Его приглашали три раза, и при этом самым настойчивым образом. Несмотря на это, он так и не явился и не ответил ни на одно из всех этих настойчивых приглашений. Проф. Голубинский объясняет молчание тверского епископа его болезнью: действительно, тверской епископ скончался вскоре после конца 1459 г., собор же начался в конце 1459 г.

Объяснение Е. Голубинского не может быть признано удовлетворительным, и вот почему. Почему же еп. Моисей не отвечал? Если бы он **не мог** прибыть на Собор по болезни, то, ведь, болезнь, как таковая, не может быть причиной молчания. В таком случае он так бы и ответил: не могу прибыть по болезни, и Собору незачем было бы посылать повторные приглашения. Скажут: вероятно, он был так тяжело болен, что не был в состоянии ответить. Да, но

---

* Голуб., Ук. соч., Ст. 506.

в таком случае известие о болезни и состоянии больного привез бы первый гонец; приглашение на Собор ждало бы выздоровления больного, и, опять-таки, частые повторные приглашения были бы излишни.

Наконец, вспомним, что еп. Моисей был именно епископом тверским, а в Твери, как мы видели, было совсем не такое отношение к Ферраро-Флорентийскому Собору, как у вел. кн. Василия II.

Проф. Голубинскому так и осталось совершенно неизвестным опубликованное в 1908 г. Н. П. Лихачевым похвальное Слово инока Фомы,* из которого видно, что еще в 1453-ьем году для той среды, в окружении которой жил этот инок Фома, ни «Великий Вселенский Флорентийский Собор», ни русские его сотрудники не были ни изменниками, ни отступниками от православия. Всего понятнее поэтому, что, поэтому, и тверской епископ Моисей не ехал на «собор», как собравшийся против законно поставленного митрополита.

Другой из неявившихся получил серьезную обработку, а потому и за него бояться было уже нечего. Новгородский архиепископ Иона дал уже все обещания еще во время своего поставления в 1452г. Кроме того, все эти обещания были вторично потребованы Василием II после «мира» (после взятия Великого Новгорода в 1456г.), да и сам митрополит Иона, поставленный властью великого князя, «счел за нужное» написать ему (в феврале 1459) «особое дополнительное послание».

Заметим также, что укрепившиеся в некоторой ученической традиции постоянно повторяемые квазифакты, что Вселенский Флорентийский Собор состоялся даже будто бы против воли вел. кн. Василия и некоторые другие добавления — являются лошью плодом традиционного измыш-

---

* Как, впрочем, и не раз цитированному нами немецкому католическому автору, Ziegler'у, который в своей работе, вышедшей через двадцать лет после «Похвального Слова» ничего об этом «Похвальном Слове» не знает; он знает только тверского боярина Фому. (См. ук. соч., ст. 66, 85, 86, 96, 111, 112, 157). Незнакомством с указанным нами важным источником объясняется ошибочность некоторых его выводов и неверная оценка отношения к Исидору тверского князя. (См. ук. соч., Ст. 68, 98, 101).

ления и никакого отношения к истории никогда не имели и иметь не могли.

Так, совершенно неверно, что Вел. Кн. Василий противился и самой идее Собора, как равно и тому, чтобы Исидор был на нем, как русский митрополит.* Неверно также и то, что, как вел. кн. Василий II, так и все русское духовенство сразу же, до собора, поняли и убедились, что Исидор — явный латинянин и будущий предатель православия. Все это — небылицы, придуманные уже много лет спустя после трудов знакомого уже нам Симеона Суздальского.** К этим вздорным выдумкам отосится и рассказ о том, что Исидор оказал явное предпочтение в Юрьеве латинским „крыжам“. В первоначальной редакции всей этой встречи ничего об этом не говорилось, а говорилось, что его встречали с крестами только православные священники. Бискуп же немецкий католический встретил Исидора по своему немецкому праву, с трубами и со свирельми, в Костере.***

Итак, довольно распространенное среди русских убеждение, будто с последней половины XIV в. все были единодушны в чувстве борьбы против Западной Церкви и в деле воссоединения этой Церкви с Восточной; что все были единодушно и безоговорочно настроены против всякого подчинения Пале, как Вселенскому Архиерею — коренным образом идут в разрез со всеми подлинно установленными фактами. Это, как мы смеем надеяться, нам и удалось доказать в предшествующем изложении.

Итак, постановления Вселенского Ферраро-Флорентийского собора не отвергнуты Православием, и не только не отвергнуты, но и официально приняты в отдельных официальных признаниях, поскольку такие официальные признания возможны и имеют место.

---

* Подлинность ложного сообщения о сопротивлении вел. кн. Василия поезде Исидора на Флор. Собор защищает и Ziegler (ук. соч., ст. 24), не указывая, при этом, никаких оснований для опровержения исчерпывающих доводов проф. Е. Голубинского, которому он вообще всегда воздает должную, весьма высокую оценку. (См. ук. соч., ст. 26, 30, 62, 65, 79, 82, 99, 104-108, 120, 153).

** Обо всем этом см. у Голуб., ук. соч., ст. 421-450. В особ. 438.

*** Там же стр. 437. Костер — русское название Вербка на Эмбахе, между Чудским озером и Деритом (Юрьевым). См. ук. соч., ст. 437.

Русская Церковь была представлена на Соборе в лице своего законного митрополита Исидора, который не только отправился на Собор с полного согласия государя (т.е. вел. кн. Василия II), но, последний, со своей стороны, усердно позаботился о том, чтобы Русская Церковь и Русское Государство были представлены митрополитом на Соборе, по возможности, достойным образом. К тому же, «вся Россия», как говорит Голубинский, провожала Исидора на Собор «как бы с триумфом и с явным выражением сочувствия со стороны русских к предпринятому им путешествию».*

И в XV-ом веке Русская Церковь официально, в законном порядке, **не отвергла** провозглашенного воссоединения. Случилось только то, что светская власть, конечно, при содействии угодных ей представителей духовенства, добилась того, что провозглашенное уже на Соборе соединение не осуществилось.

Это ненормальное положение продолжается и по сей день: для разделения никаких оснований нет, как мы это уже раньше показали;* оно поддерживается отчасти невежеством, а отчасти желанием „быть самим по себе“, „ни от кого не зависеть“, хранить „свое“, „особое“, „отдельное“, без ясного сознания ни того, в чем же это „особое“ заключается, ни того, во имя какого же Христова завета это „особое“ и „отдельное“ нужно „хранить“ даже ценою разделения пред лицом всеокрушающего международного атеизма.

---

* Поэтому, повторим еще раз, совершенно неверно, как думают некоторые, будто митрополит Исидор поехал на Собор по своей личной инициативе и вопреки воле великого князя, а потому де Русской Церкви на Соборе не представлял и представлять не мог. Цитированные выше слова принадлежат проф. Е. Голубинскому, православному русскому ученому, общепризнанному компетентнейшему знатоку, специалисту по истории Русской Церкви. См. История Русской Церкви Е. Голубинского, Период 2-ой Московский. Том II. Первая половина тома. Москва. 1900. Ст. 431 и 433. См. также статьи проф. И. В. Пузыны: „Флорентийский Вселенский Собор и участие на нем Исидора, митрополита Московского“ (См. Русский Католический Вестник, № 2 за 1952 г., стр. 11-14) и По поводу одной критики (См. «Россия и Вселенская Церковь» № 1 за 1953 г., стр.13-14).

** М. Н. Гаврилов, Православие и Ферраро-Флорентийский Собор. Издат. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1954 г.